

Будущее тура. - 2007. - 18-24 янв. - с. 13

Играть то, чего здесь не знают

Д. Булгаков

О фестивале "Возвращение" наш корреспондент беседует с его художественным руководителем.

— Дмитрий, основной состав участников фестиваля "Возвращение" составляют выпускники Гнесинской школы, получившие высшее музыкальное образование в Европе...

— Нам с Ромой Минцем тогда, 10 лет назад, показалось, что необходимо найти возможность играть в России, потому что слишком хорошие исполнители, слишком близкие люди и абсолютно понятно, что их никто сюда не позовет в ближайшие годы, пока они не станут Венгеровыми или Репиными.

— Кто платил за ваше обучение в Европе?

— В Германии обучение для всех бесплатное — естественно, для тех, кто выдержал вступительный экзамен. Во Франции и в Англии обучение стоило по тем временам огромные деньги. (Московская консерватория для иностранцев стоит не меньше.)

Но я не припомню никого, кто платил бы из своего кармана деньги за образование, потому что система стипендий и фондов там такая мощная, что все "возвращенцы" имели стипендии, которые часто, кроме оплаты их обучения, покрывали расходы на проживание и что-то еще. Поэтому возможность учиться у всех была. Кто не был доволен, переходил к другому педагогу. Я подчеркиваю, что у нас, в музыке, педагог имеет решающее значение при выборе места учебы. Едут к педагогу. Если у человека, например, есть прекрасные условия проживания в Америке, но нет педагога, он оттуда уедет, если его интересует профессия.

— Какова возможность у музыкантов "Возвращения" концерттировать в Европе?

— У большинства — лучше, чем

здесь. Те из нашего поколения, кто живет там, — музыканты первого уровня, абсолютно востребованные.

— Вы в Германии играете в оркестре?

— Я живу в Москве, преподаю в Гнесинской школе и в консерватории. Но много времени провожу в Германии, играем камерные программы, в том числе организуем мероприятия нашего проекта "Homcoming" Германия осталась для меня второй родиной: я учился в Детмольде у профессора Шмальфуса, 6 лет там прожил — играл сольные программы и в камерных ансамблях. Вообще, любую возможность сыграть концерт я всегда перевожу в камерную плоскость. Это мой приоритет.

— Насколько я знаю, вы привозите в Россию и музыку, которая у нас не исполняется. Эта идея возникла изначально? Как складывался репертуар?

— Фестиваль никогда не имеет общей тематики, как, например, "Де-

кабрьские вечера". У нас каждый концерт всегда был самостоятельным, иногда тема концерта тянула за собой музыку, но, как правило, происходило наоборот: история создания произведения выявляла, что на такую тему написано еще много музыки. Я не знаю ни одного проекта, в котором на протяжении 10 лет не повторилось бы ни одно произведение. Как правило, фестивали строятся по принципу "кто может приехать", а что он будет играть — вторично.

А мы обычно собираем исполнителей как минимум за четыре-пять дней, идут ежедневные репетиции. Кроме того, учеба за рубежом давала многим из нас возможность играть музыку, которую здесь вообще не знают. (В России до сих пор нет нормального рынка нот. Играют по ксероксам.) На нашем фестивале прошло огромное количество российских премьер, но это никогда не было самоцелью. Я много раз слышал, что "Возвращение" называют фестивалем современной музыки, но посмотрите программу: у нас всегда более половины программы — классика!

— Можете назвать несколько фамилий, для которых фестиваль стал трамплином?

— Мы не занимаемся продюсерской деятельностью. Но были люди, впервые замеченные благодаря фестивалю. Тот же Чарльз Оуэн, которого потом с удовольствием принял Дом музыки с сольным концертом. Или "Das Neue Trio" из Германии, которые после фестиваля стали заметны. Или Максим Рысанов, альтист, и Кристина Блаумане, виолончелистка, оба из Лондона, сегодня появляются и в других проектах, на том же "Крещендо". О Максиме Рысанове Башмет с радостью сказал: "Конкурент вырос!" — он сегодня один из лучших альтистов мира. Эти люди играют уже на одних площадках и на одном уровне с Йо-Йо

Ма и с Мишей Майским. Они уже мировые звезды, хотя в нашей стране еще не очень известны. Саша Кобрин после многих выигранных конкурсов выиграл еще и Конкурс Клиберна и сейчас играет в лучших залах с оркестрами Нью-Йоркской и Берлинской филармоний. В России он все реже появляется (хотя живет и преподает здесь), но он один из патриотов нашего фестиваля, и сыграть у нас для него приоритетно, он отменяет все, чтобы в нем поучаствовать. Боря Андрианов в России достаточно известен, а начинал у нас, когда ему было всего двадцать лет.

— В новогоднюю ночь в Доме музыки "возвращенцы" играли музыку обладателя многочисленных призов, искрометного и эксцентричного Брайана Ирвайна, дирижировал автор. Он — тоже "возвращенец"?

— Это был наш новогодний сюрприз. Брайан Ирвайн — гость, ирландский композитор, обладатель всех мыслимых призов за свою музыку. Как дирижер, он допускает в процессе исполнения самые неожиданные импровизации и с музыкантами, и публикой. При этом нет никакого заигрывания, все настолько живо и интересно, ты никогда не знаешь, когда закончится такт, он легко может его задержать. Хотя у нас есть партитуры, в процессе исполнения он совершает какие-то совершенно невероятные отхождения от текста, ты должен ориентироваться по его рукам, в том числе могут появиться какие-то немусикальные звуки, мыльные пузыри... Это — импровизация, рассчитанная на ощущение зала, так он потрясающе чувствует, сколько может себе позволить. У Ирвайна есть своя группа, которую мы привозили в Россию, это ближе к джазу, чем к классике. Брайан уже участвовал в фестивале "Возвращение" и для всех "возвращенцев"

это был очень интересный опыт.

— "Возвращенцы" выступают в Москве бесплатно. Это ваша принципиальная позиция?

— Фестиваль — только наш проект, у нас нет организаторов, которые были бы заинтересованы в мероприятии финансово. Поэтому денег на гонорары просто нет, для этого был бы нужен как минимум второй бюджет. Мы же не можем платить музыкантам триста рублей! Надо платить хотя бы в десять раз меньше, чем на Западе. Участники нашего фестиваля, выступая за границей, "стоят" по-разному, то есть получают разные гонорары — у каждого свой менеджмент, разная политика. Если говорить о филармонических концертах (а не о коммерческих мероприятиях), то в России они получали бы в среднем раз в тридцать — пятьдесят меньше, чем на Западе. С одной стороны, мы горды за музыкантов, которые согласны играть бесплатно. С другой стороны, это наша постоянная головная боль, потому что стыдно. Хотя сам играю бесплатно. Хотя и я, и они знают, что в России бывают гонорары 100 000 долларов за концерт. Такие вещи быстро становятся известны, потому что это почти как анекдот.

— А почему они, кстати, с России берут как с шейхов-нефтепромышленников?

— Им так предлагают. Есть такие проекты, где чем больше бюджет, тем он интереснее для участников. В этом смысле наше мероприятие, для бюджета которого 400 000 рублей (грант, который мы в прошлом сезоне наконец получили от Роскультуры) — хорошие деньги, редко бывает интересно потенциальным спонсорам.

— Вы не только активно не ищете спонсоров, но принципиально не пользуетесь связями. Вам так нужна независимость? Вы боитесь, что вмешаются во что-то?

— В репертуар: "Играйте, что полегче для восприятия. Делайте билеты подороже. Возьмите вот эту девочку". Мы стараемся не обижать людей тем, что мы берем их за то, что они чьи-то племянники или дети. А если иногда играем легкую для восприятия музыку, то не специально. Предположим, программа называлась "Стравинский". Стравинский не исполнялся, но исполнялась его любимая музыка. Что делать, если там было много старинной и вполне развлекательной музыки типа Скарлатти? Просто милая музыка. Она исполнялась только потому, что нравилась Стравинскому. Или если исполняется музыка, посвященная возлюбленным композиторов, то мы не виноваты, что композиторы посвящали возлюбленным более легкую музыку, чем кому-то еще.

— Каковы для вас, как для одного из создателей "Возвращения", моральные дивиденды?

— Я считаю, что наш фестиваль стал одним из самых качественных проектов (я к этому не имею никакого отношения, просто люди очень хорошо играют). Моральный дивиденд еще и в том, что я сам там играю. Я, в принципе, очень люблю играть. Но самый высокий моральный дивиденд я получаю, когда выхожу в зал и слышу, как они играют, в том, что все это получилось, они приехали, потрясающе сыграли, у них большой успех, что о них, дай бог, адекватно и негрубо напишут. У меня такая же радость, если мои ученики где-то хорошо сыграли. Это так приятно, что люди, с которыми ты по своему ощущению интуитивно и никак не карьерному когда-то сотрудничал, сегодня, десять лет спустя, занимают заслуженные места. И ты ощущаешь, что хоть чуть-чуть этому помог.

Беседу вела
Светлана ПОЛЯКОВА